
У. З. ШАРИПОВ, Р. М. ШАРИПОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ПЕРЕВОДУ КОРАНА

Коран может рассматриваться не только как культурно-исторический документ, но и как Откровение. Авторы нового перевода внимательно изучили все прежние переводы Корана на русский язык, а также многочисленные толкования текста европейскими и восточными исследователями, и постарались учесть достижения предшественников, устранив по возможности недостатки прежних русских версий. Свою работу они представляют как промежуточный итог в процессе постижения смыслов Священной Книги.

Ключевые слова: *Коран, Мухаммад, Откровение, оригинал, перевод.*

Коран – Священная Книга ислама. Из всех основополагающих источников этой религии он единственный относится ее адептами к Явлению Свыше, то есть к Первоисточнику Божественного Происхождения. Коран выступает фундаментообразующим фактором других базовых источников этой веры, в том числе таких важнейших, как хадисы, шариат и фикх. Последние в отличие от Священной Книги представляются произведениями человеческого творчества, которые были составлены сподвижниками Пророка Мухаммада на Ее основании и на основании высказываний Пророка.

Постулаты Корана вошли в повседневную жизнь мусульман, передаются из поколения в поколение, став, по существу, традиционной идеологической основой функционирования многих национальных цивилизаций. В частности, эта Священная Книга пользуется высоким авторитетом не менее чем у 20 % коренного населения России, которое относится к так называемым *мусульманским народам*.

Любой исторический источник, предназначенный для широкого распространения в современном обществе, при всей специфике его лексики, обусловленной временем его составления, целесообразно переводить на другие языки, используя соответствующую литературную лексику и правила грамматики, чтобы не вызывать у читателей затруднений при ознакомлении с ним. Только в таком случае он оптимально приемлем и понятен для широких масс. Это

важно и в отношении переводов текста Корана, так как Идеи Аллаха, ниспосланные Его Посланнику Мухаммаду и собранные в этой Священной Книге, были изложены в письменном виде представителями общества людей, существовавшего много столетий назад.

Ислам, являясь религией Единобожия, имеет, как и другие авраамические верования – иудаизм и христианство, – единую историко-идеологическую основу, которая опирается на Послания Аллаха народам. Они ниспосылались Свыше поочередно Пророкам Нуху (Ною), Ибрахиму (Аврааму), Мусе (Моисею), Исе (Иисусу), ряду других и, наконец, Мухаммаду. Этот Посланник Аллаха, провозглашая Откровение Господа, заявил, что он не создает новой религии, а продолжает истинную линию Единобожия, которую искажали последователи предшествовавших Пророков.

Основой для составления письменного Корана послужили устные высказывания Мухаммада (в течение четырех периодов – трех мекканских и одного мединского), который «шаг за шагом» излагал своим сподвижникам ниспосланные ему знамения Аллаха. Как известно, при жизни Посланника и под его диктовку была записана только часть откровений, причем в разрозненном виде. Отдельные отрывочные записи делались и его соратниками самостоятельно. После кончины Мухаммада устное и письменное наследие Божественных откровений собиралось и восстанавливалось через его непосредственных слушателей – в большинстве случаев по памяти – и фиксировалось в виде специальных письменных сборников. Следует не упускать из виду и то, что Мухаммад произносил откровения в течение почти четверти века. Содержание проповедей было разнообразным по форме и стилю изложения: и религиозным, и образно-рассудительным, и абстрактным. В свою очередь в воспоминаниях сподвижников и слушателей Посланника эти проповеди несколько различались между собой. Поэтому поначалу существовало множество их записей, которые во многом не согласовывались друг с другом. Это вызывало разногласия среди верующих в Аллаха по смысловой трактовке тех или иных знамений (аятов) Откровения¹.

¹ В различных местах Корана присутствуют два обозначения этого понятия: 1) Откровение – как Послания Аллаха каждому из Посланников; 2) Откровения – как отдельные истины от Аллаха, проходящие в составе знамений-аятов.

Еще при первом из праведных халифов, Абу Бакре, было принято принципиальное решение о начале работы по сбору всех записей из Откровения Аллаха и сведению их в единую Священную Книгу². Этот процесс был довольно протяженным и вовлек в работу немало переписчиков и редакторов. Наконец, при третьем халифе, Османе, был составлен и официально провозглашен вариант Корана, который был разослан в ряд основных центров халифата и стал повсеместно внедряться в качестве единственно достоверной Священной Книги ислама. Остальные списки Откровения по возможности изымались у владельцев и уничтожались.

Особенностью текста Корана, являющегося историческим источником, выступает нередко встречающаяся размытость принадлежности слов тому или иному участнику диалогов (между Мухаммадом, а также другими Пророками, с одной стороны, и их оппонентами – с другой). Так, в цепи взаимосвязанных аятов весьма часто используются выражения «он (она) сказал(а)» без обозначения конкретного лица, а только при помощи огласовок. Это усложняет ориентировку читателя в отношении источника (субъекта) тех или иных слов и фраз, вынуждая его возвращаться к предыдущим аятам, искать среди них логическую связь диалога и определять их авторство.

Кроме того, в Коране иногда трудно отделить прямую речь от косвенных рассуждений, а также проследить переход диалога от одного лица к другому. Для современного восприятия читателей, придающих большое значение четкому наименованию участников диалогов, указанные обстоятельства весьма важны.

Коран начали распространять в VII веке – в рамках зарождавшегося Арабского халифата – ближайшие сподвижники Мухаммада, которые были выходцами из Хиджаза (на Аравийском полуострове). По мере расширения границ халифата, а также вследствие других исторических обстоятельств, увеличения контингента приверженцев новой религии ислам и его Священная Книга в разной степени интенсивности распространились среди многих этносов мира. Однако общеизвестно, что каждый народ имеет свои специфические менталитет и отличия. Кроме того, народы переживают

² Отметим, что Мекка того времени была купеческим городом с широкими коммерческими связями. Там, как и в земледельческой Медине, имелся достаточный контингент грамотных людей, владевших письменностью. Среди них был и *Зайд бен Сабит* – собиратель текста Корана (со слов людей, а также по записям на папирусе и пергаменте) в период правления халифа Абу Бакра.

различные фазы своей национальной истории: развития, падения, возрождения, стагнации и т. д., – т. е. подвержены внутриаобщественным метаморфозам. Язык отражает как местную самобытность, так и происходящие изменения в жизни этносов и отдельных людей. Помимо этого и сами языки претерпевают метаморфозы: либо развиваются, либо стагнируют, либо умирают. В ходе развития они диверсифицируются, обогащаются, в том числе путем смешения с другими языками. При этом каждый народ своеобразно воспринимает внешние факторы. Поэтому читатели неарабского происхождения, а тем более удаленные географически, этнически, культурно и по социально-хозяйственному образу жизни от Ближнего Востока, испытывали затруднения в понимании реалий времени жизни Пророка Мухаммада и тех исторических образов и ссылок, которыми оперировал текст Корана с Аравийского полуострова.

История интереса россиян к Священной Книге ислама насчитывает много веков, в течение которых неоднократно делались переводы его основных положений: сначала это были рукописные (исполненные как профессиональными, так и самодеятельными переписчиками) варианты, а затем стали появляться и печатные издания³. Публикации переводов на языках так называемых мусульманских народов Евразии: в Поволжье, Крыму, на Кавказе, Урале, в Сибири – быстро перешли с отдельных глав Корана на более или менее полные варианты коранического текста.

Параллельно с XVIII века стали появляться печатные переводы Корана и на русском языке, осуществленные П. Постниковым (1716), М. И. Веревкиным (1790), А. В. Колмаковым (1792), а в XIX веке – К. Николаевым, Д. Н. Богуславским, Г. С. Саблуковым. Следует отметить, что эти переводы Священной Книги мусульман делались преимущественно с французского, английского и других западноевропейских языков. Авторы западноевропейских переводов в свою очередь ориентировались на имевшиеся в их поле зрения

³ В рукописном исполнении тексты Корана на арабском языке начиная с IX–X веков распространялись среди народов Кавказа, Поволжья, Крыма и Сибири. Особенно этому способствовало официальное провозглашение ислама государственной религией в Булгарском ханстве (Поволжье) в 922 году. Типографские же издания Корана в целом, а также хафтияков (седьмая часть Священной Книги – главные суры) и комментариев были разрешены российскими властями с конца XVIII века: в правление Екатерины II (1787) и Павла I (1796–1801) – в Казани; в дальнейшем – в Оренбурге, Троицке, Уфе, а также на Кавказе: в Дагестане, Чечне, Азербайджане и т. д. См. собрания рукописей и печатных изданий Корана и отдельных сур в республиканских библиотеках Казани, Уфы, Махачкалы, Нальчика и в других городах, а также статью И. Ю. Крачковского (1955: 175–181).

комментарии тех или иных мусульманских толкователей, т. е. в русскоязычных вариантах использовался аппарат лингвистических и комментаторских посредников. Однако такой подход означал только приближение к непосредственному познанию Священной Книги исламской религии (Коран 1907; 2003). Чувствовалась потребность в прямом русскоязычном переводе Корана с оригинала – лингвистического первоисточника. Наиболее известным из изданных в XIX – начале XX века переводов на русский язык, завоевавшим авторитет у российских читателей, был труд Г. С. Саблукова, осуществленный по арабскому тексту Корана (Там же). Однако в этом переводе при раскрытии коранических идей чувствовалось сильное смысловое влияние христианских и иудейских параллелей из Библии, Евангелия и других религиозных книг, т. е. и здесь присутствовало опосредствованное восприятие текста Священной Книги ислама через вышеназванные параллели.

Наконец, во второй половине XX века появился первый дословно переведенный с арабского оригинала русскоязычный Коран. Его автор – востоковед-арабист, академик АН СССР И. Ю. Крачковский. С 90-х годов прошлого столетия стали публиковаться русские переводы других авторов, причем не только в России, но и вне ее (как в ближнем, так и в дальнем зарубежье). Несмотря на то, что до них уже были издания, которые могли бы служить основой более совершенных переводов, все они (в разной степени) имеют изъяны. Так, в ряде случаев были допущены вольности в обращении с кораническим текстом. Отступления заключаются в избрании переводчиками неверных методов перевода Священной Книги: это так называемые поэтические переводы⁴, подмена текста аятов оригинала и смысла отдельных слов и фраз формулировками тех или иных комментаторов Корана. При этом большинство переводчиков последних двух десятилетий, чтобы застраховать себя от критики, публиковали свои работы под девизом: «Перевод смыслов Корана»⁵. Такие примечания, по сути, служили прикрытием «вольницы» перевода и вызывали сомнения читателей относительно пол-

⁴ В суре «Йа син» (гл. 36, аят 69) звучит специальное изречение Аллаха: «Мы не учили его (Мухаммада) стихам, и это не годится для него. Это (Писание) – только Напоминание (Откровение) и ясный Коран». Данное положение подтверждается в гл. 52, аят 29 и в гл. 69, аят 41.

⁵ В ряде вариантов это обозначено как «перевод смыслов и комментарии» или «смысловой перевод и комментарии». Однако, несмотря на такие оговорки, именно в смысловом отношении допущено немало ошибок (см., например, переводы В. Пороховой и Б. Я. Шидфар).

ного соответствия арабскому оригиналу представляемых общест-венности русских текстов Корана.

Без сомнения, мы должны быть благодарны ученым-востоко-ведам И. Ю. Крачковскому и М.-Н. О. Османову, которые, внима-тельно изучая наиболее авторитетных комментаторов Корана араб-ского, общемуусульманского и европейского происхождения, стре-мились добиться рациональности в своих переводах Священной Книги. Это, однако, не исключает необходимости критического осмысления русскоязычных переводов, изданных в течение по-следних пятидесяти лет, включая и работы указанных ученых.

Так, перевод М.-Н. О. Османова, при самом тщательном ис-пользовании его автором соответствующих трудов коммента-торов прошлого, представляется специфичным (Коран 1995). М.-Н. О. Османов пошел по пути «либерализации» перевода, т. е. нередко заменял текст оригинала смысловыми определениями из тафсиров. Во многом «прокомментаторский» характер перевода не позволяет отнести его к категории документально полностью соот-ветствующих арабскому тексту Корана – он приемлем только как перевод смыслов аятов Корана⁶.

Изданные в начале текущего столетия русскоязычные варианты перевода Э. Р. Кулиева также принадлежат к числу переводов смы-слов Корана. Серьезные шаги к точному соответствию друг другу арабского и русского текстов Священной Книги позволили перевод-чику рационализировать свой перевод, так что мы считаем его наи-более удачным среди русскоязычных переводов последних десяти-летий. Однако и у Э. Р. Кулиева встречаются недостатки в переводе, в частности замена тех или иных слов и оборотов собственно Корана своими синонимами и фразами. В этих случаях смысловой нюанс слов и оборотов несколько искажается.

Некоторые переводчики Корана допустили вольности в отно-шении его предназначения, жанра и языкового строя, предложив «поэтические» варианты (И. В. Порохова, Т. Шумовской и др.) (Коран 1993; 1997; 2005). Возникает вопрос: если Тора и Евангелие являются, как и Коран, Писаниями Аллаха, ниспосланными наро-дам в разное время, тогда почему никто не берется за «поэтиче-ские» переводы Библии? Сомневаемся, что это будет принято представителями соответствующих конфессий, да и научными уч-

⁶ Вместе с тем до сих пор смысл многих мест Корана вызывает разночтение у коммен-таторов и современных исследователей.

реждениями, как документальные издания – скорее их отнесут к стихотворным литературным опусам на текст того или иного Писания. Как отмечают исследователи особенностей стиля Корана, «в Коране отсутствуют следы поэтических рифм в точном смысле. Стиль Корана – отсутствие четких схем в построении строф, аятов и даже отдельных сур: они разные по своему строю и длинам... вместе с тем иногда присутствуют ритмическая проза и ассонансные созвучия (однако в весьма ограниченном количестве, так что аналитики связывают их наличие с заимствованиями из диалектов разных аравийских племен во времена Мухаммада и некоторым влиянием из лексики соседних народов)» (Белл, Монтгомери 2004: 86, 90–93, 95–96, 101, 103–104). Мы считаем оптимальным придерживаться именно академического стиля перевода, идя строго по пути смыслового понимания идей Корана, ибо такая передача читателю его истин и есть идейная сущность и эстетика Священной Книги.

Характеризуя непосредственно поэтический перевод В. Пороховой, следует сказать, что это весьма вольный стихотворный вариант на основе арабского Корана. В итоге текст, втиснутый в рамки «белого» стиха, причем с купированием⁷ слов и даже строк, а также с использованием своей структуры фраз и нередко построенных целых абзацев, сделал русский перевод приблизительным и ущербным с точки зрения соответствия Писанию. Далее, частые замены «родных» слов и фраз Корана на *лексему* стихотворной рифмы во многих местах привели к деформации как содержания и емкости самих арабских фраз, так и их смыслового назначения. Например, люди в ряде аятов обозначаются не как рабы Аллаха, а как слуги. Между тем в соответствии с Кораном и исламским мировоззрением и люди, и Пророки, и Ангелы являются рабами Аллаха. Только Пророки и Ангелы по велению Аллаха наделены определенными дополнительными функциями⁸.

Остановимся на переводе И. Ю. Крачковского, который выделяется своим исследовательским аппаратом. По нашему мнению,

⁷ В качестве примера возьмем хотя бы текст между 35-й и 38-й сурами: здесь купюры целых фраз присутствуют в следующих местах: 36 (45), 38 (44).

⁸ Понятие «рабы» означает, что люди созданы и расселены Аллахом на земле, чтобы они за отведенную им земную жизнь проявили свою покорность Аллаху, и затем их дальнейшую судьбу Он же всецело определит: либо одарит Раем, либо покарает Адам.

этот перевод наиболее точно передает текст арабского оригинала⁹. Поэтому он и в настоящее время представляет большой познавательный и научный интерес и по-прежнему пользуется высоким спросом в России.

Перевод, осуществленный в 20–40-е годы прошлого столетия, впервые был опубликован только в 1963 году – уже после смерти ученого, на основе его тщательно законспектированных лекций по переводу Корана и примечаний к нему. Перевод И. Ю. Крачковского – дословный. В условиях первых десятилетий XX века избранный им вариант оказался оптимальным, так как на предыдущих русских переводах лежала печать недостаточной квалификации: чувствовалась слабость знаний в области мусульманских комментариев к Корану (арабских, персидских, турецких, российско-мусульманских и других восточно-мусульманских).

К принципиальным недостаткам перевода И. Ю. Крачковского следует отнести несколько устаревший на сегодняшний день исследовательский аппарат. Переводчик при расшифровке арабского текста преимущественно оперировал трудами западных корановедов (изданий XIX и первой половины XX веков). В период научной деятельности И. Ю. Крачковского корановедческая исследовательская литература из мусульманского ареала была малодоступной для россиян. В исламских странах того времени книги издавались весьма ограниченными тиражами, и по стилю анализа, а также по оформлению они были необычными с точки зрения европейцев. Их «восточная» рассудительно-растянутая, абстрактная и нередко повторяющаяся манера изложения материала в литературных и исследовательских произведениях отличалась от европейской конкретности и рациональности письма. Более того, подавляющее большинство восточных тафсиров Корана (на арабском, персидском, тюркских и других языках) были написаны средневековыми авторами и характерным для того времени стилем. Поэтому европейским переводчикам Корана до середины XX столетия представлялось гораздо более легким опираться на комментарии западных авторов – они были более доступны как в языковом отношении, так

⁹ Сравнительно с переводами Г. С. Саблукова, М.-Н. О. Османова, А. Г. Гафурова, Б. Я. Шидфар, а также с монументальным трудом мусульманских арабских и германских ученых – Кораном и комментариями, переведенными на русский язык египетскими учеными Абдель Салаямом аль-Манси и Сумайя Афифи под заголовком «Значение и смысл Корана» (в 4 т.). Вместе с тем все перечисленные здесь труды мы также относим к наиболее серьезным русскоязычным переводам.

и по наличию в государственных библиотеках, архивах и книжных магазинах Европы. И. Ю. Крачковский, в свою очередь, также предпочитал пользоваться преимущественно «западным арсеналом» источников. Может быть, это и послужило одной из причин, почему он при жизни не передал свой труд для опубликования. К сожалению, перевод И. Ю. Крачковского появился в печати в незавершенном – так сказать, в «лабораторном» – варианте, хотя, по сути, работа над ним была доведена почти до последней стадии – стилистической правки русского текста¹⁰.

Ныне же – иной исторический период, когда в России стала на порядок более распространенной и разнообразной корановедческая литература мусульманских авторов, изданных как в мусульманских странах, так и собственно в России.

«Комментарии», приведенные И. Ю. Крачковским (Коран 1986: 515–657), фактически представляют собой примечания (по-арабски – *шарх*). Они либо просто являются адресной отсылкой (без объяснений) к тому или иному посреднику-комментатору, либо по тому или иному слову из контекста со ссылкой на мнение одного из комментаторов заявляют о понимании переводчиком этого слова (с большим количеством условных сокращений), либо представляют собой авторскую заметку (с высказанным предположением) для дальнейшего уточнения, либо являются опять-таки заметкой, но «эскизной», на полях, без ссылок на посредника-комментатора или на свое мнение. Таким образом, «комментарии» И. Ю. Крачковского были весьма обширной «рабочей лабораторией» ученого, при помощи которой он уточнял (либо ставил для дальнейшего исследования) возникавшие у него вопросы во время работы над переводом текста Корана¹¹.

Эти «комментарии», по существу, недоступны для понимания массового читателя. Что касается специалистов-востоковедов, то и для них расшифровка большинства «комментариев» затруднительна. Дело в том, что они отсылают читателя к работам иностранных (преимущественно западных) авторов-аналитиков смыслов текста

¹⁰ Перевод И. Ю. Крачковского с точки зрения грамматики и стилистики русского языка не был доведен до окончательной шлифовки. В нем не учтены разница между грамматической спецификой построения фраз в арабском и русском языках (причем грамматические формы обоих языков представляют собой разные эпохи, между которыми временной разрыв более чем в тысячелетие), особенность разговорной древней формы арабского языка (примененной в Коране), усеченность использованного словарного запаса.

¹¹ Характер и масштабы этой «лаборатории» свидетельствуют о ширине и глубине интересов И. Ю. Крачковского в областях корановедения и исламоведения в целом.

Корана, а это проверить сложно, так как они в большинстве своем представляют собой малодоступные научные труды, изданные много десятилетий тому назад.

Мы ни в коем случае не отрицаем правильности подхода этого ученого к расшифровке ключевых моментов коранического текста в период первой половины XX века. Однако в настоящее время справочного сопровождения перевода Корана в форме комментариев-примечаний, осуществленного «лабораторно» И. Ю. Крачковским, недостаточно. Ныне для убедительности в точности русскоязычного перевода целесообразны краткие выборочные (но полноценные) комментарии по фразам, аятам (стихам) и сурам (главам) в целом. Это, однако, не значит, что вместе с текстом Корана нужно приводить полностью комментарии классиков-тафсиристов.

Считается, что академик И. Ю. Крачковский¹² рассматривал Коран прежде всего как памятник арабской устной словесности, как литературное произведение древних веков, написанное прозой. На наш взгляд, это его авторское право, хотя сами мы относимся к Корану как к почитаемому полутора миллиардами мусульман Откровению Божественного Происхождения. И каким бы ни был у И. Ю. Крачковского взгляд на жанр Корана, он в целом избрал оптимальный метод для перевода.

Причины, побудившие нас подготовить данный перевод Корана на русский язык, были следующими.

В последней четверти XX века, особенно с 90-х годов, в Евразии, а тем более в России, усилилась потребность общестественности, в том числе мусульманской, в максимально точном переводе текста Корана, выверенном по его официально утвержденному оригиналу, а также в соответствии с русской грамматикой. Кроме того, созрела объективная необходимость оснастить читателей более обширными знаниями в области корановедения. Нынешний уровень образования россиян сделал их более квалифицированными и избирательными в чтении. К сожалению, исламская религиозная и исламоведческая литература на русском языке при всем ее разнообразии и возросшей тиражности по-прежнему *тематически ограничена* и доступна далеко не всем читателям.

¹² См.: Беляев, Грязневич 1986: 21, 667, а также описание материалов И. Ю. Крачковского, использованных при подготовке этого издания.

Сегодня Коран как Священная Книга ислама в русскоязычном варианте должен быть доступен широким народным массам России и стран СНГ в виде адаптированного текста, который одновременно вызывал бы у них уверенность в его максимальной достоверности.

Представляемый нами перевод Корана определяется стремлением привести в соответствие друг с другом все эти показатели. *Авторы перевода старались соблюдать принцип оптимальности сохранения его словесного содержания и фразопостроения с учетом особенностей русского и арабского языков, а также уровня современного языкознания.*

В истории Корана на Земле (его текста и формирования письменного варианта) отмечаются два этапа: божественный и пророческий – передача Откровения Аллаха Его Посланнику Мухаммаду и пророчества Мухаммада своему окружению; общечеловеческий – записи из проповедей Мухаммада на основе пересказов сподвижников Мухаммада, затем собрание, редактирование и утверждение последнего варианта Корана в период халифа Османа в качестве единого узаконенного текста для всеобщего использования.

Многие европейские авторы занимались поисками «земных» источников и влияний на творчество Мухаммада в создании Откровения. Однако это Откровение, будучи ниспосланным Аллахом, вместе с тем учитывало время и характер аравийского общества, в которых жил Посланник Мухаммад. Поэтому и приводились примеры из тогдашней земной действительности.

Настоящий перевод Корана рассчитан не только на ученых-исламоведов и улемов, но и на широкую народную аудиторию. Он ориентирован на то, чтобы эта аудитория посредством самообразования при ознакомлении с исламоведческой литературой была в данной области как можно более грамотной, диверсифицированной по знаниям и не чувствовала себя полностью зависимой от комментариев узкого круга священнослужителей и специалистов-корановедов. Все желающие познаний по Корану в сопровождении соответствующего ему разъяснительного аппарата должны иметь как можно более широкую возможность для этого не только в мечетях и на научных конференциях, но и у себя дома либо в кругу обычных граждан.

В процессе работы над текстом письменного Корана с целью адаптации его арабской лексики и структуры к современному лингвистическому восприятию нередко выявлялись архаичность, недостаточность стилистической гибкости, диверсифицированности

набора слов и оборотов, а также соответствия этого текста правилам грамматики сегодняшнего дня (Мармарджи 1931: 333–340). Поэтому нами в русском переводе для прояснения некоторых мест в аятах, где могут возникнуть стилистическое недопонимание смысла или двусмысленность, вводились (без отступления от смыслового построения фраз в оригинале) *курсивом* слова, которых нет в арабском тексте Священной Книги (но их присутствие подразумевается)¹³. Для обозначения отсутствующих в оригинале слов использовался также вариант «слов в скобках». При этом ввиду вставки *курсивом* «*уточняющих слов*» в русский текст некоторые «*родные*» слова Корана, к которым относятся «*уточняющие слова*», в русском варианте могли быть ограниченно преобразованы по падежам либо по принадлежности к частям речи. Однако в таких случаях частица отрицания сохранялась...

В аятах, где личности (либо другие субъекты) на арабском языке обозначаются огласовками, – такие как «он» («она») и т. д. – мы вводили *курсивом* названия *конкретных лиц (или субъектов)*, чтобы читатели не затруднялись в определении авторов тех или иных фраз.

Особенностью настоящего перевода – на заключительной стадии – является совмещенная публикация на русском языке (либо в одном томе, либо в двухтомнике) как текста Корана, так и резюме наиболее популярных тафсиров (комментариев) к Нему¹⁴. Мы обращаемся к наиболее известным и доступным для рационального изложения произведениям комментаторов, которые жили и творили в разные исторические периоды. Так, в поле нашего зрения попали прежде всего тафсиры Ибн-Касира, Джалалейн, Абдуллы Юсуфа Али, а также сборники комментариев «Аль-Фаваид» и

¹³ Мы не исключаем, что другие переводчики могут предпочесть вставку других слов с иным смыслом.

¹⁴ Не следует смешивать это понятие с уже появившимися приложениями к Корану российского происхождения, которые иногда обозначаются как комментарии. Под грифом последних фактически выступают примечания (хотя частично они представлены и в развернутом виде и в этих случаях могут считаться комментариями), что в целом, естественно, не соответствует вышеназванному понятию и сформировавшейся в течение веков классической библиотеке тафсиров-комментариев, под которыми понимаются те или иные подробные разборы смыслов аятов (стихов) Священного Корана и которые публиковались отдельными изданиями. Всего их насчитывается более двух тысяч. Полностью охватить переводом их тексты – дело довольно трудоемкое, и здесь работы хватит многим поколениям. Однако это не означает, что читателя тома Священного Корана следует оставлять только с приложенными примечаниями. Поэтому нами делается попытка оснащать перевод Корана аппаратом избранных тафсиров-толкований.

«Зубдату-т-Тафсир», «Аль-Мизан» доктора Табатабаи и многие другие¹⁵.

Считаем необходимым отметить, что мы рассматриваем свой перевод в качестве одной из ступеней на пути дальнейшего развития коранистики в России. Вероятно, он уступает в чем-то тем изданиям, которые мы использовали для сравнительного анализа. Однако, на наш взгляд, процесс углубления и совершенствования перевода Корана должен и будет продолжаться. Даже если абсолютно точного перевода достичь невозможно, это не исключает требования придерживаться оригинала текста Корана. Как авторы настоящего перевода мы понимаем, что решение такой весьма емкой и многотрудной задачи потребует аналитической и переводческой работы многих исследователей, и, может быть, не одного поколения.

Как известно – и это объяснено многими исследователями, – в языке Корана таится множество смыслов, в том числе на уровне отдельных фраз и слов. В частности, до сих пор остаются неразгаданными вступительные буквенные обозначения в начале многих сур (глав), к примеру, «Алиф, Лам, Мим», «Та, Син, Мим» и другие (подробно об этом см. примечание к главе 2 «Бакара»), а также названия глав: 20-й «Та Ха» и 36-й «Йа Син». Имеют место лишь их субъективные смысловые обозначения в трудах некоторых тафсиристов (комментаторов)¹⁶. Поэтому почти все комментаторы и переводчики оставляют их без перевода в начале коранических глав – как составную часть Священного Писания.

В нашем переводе Корана мы обозначаем каждое Откровение, ниспосланное Аллахом через Пророков (предостерегающих увещавателей, провозвестников), с заглавной буквы: Послание, Открове-

¹⁵ В России уже появился выше упоминавшийся труд «Значение и смысл Корана» в 4-х томах (М., 2002). Он существенно раздвинул границы толкования идей Корана. Наше «комментаторское» сопровождение коранического перевода продолжает эту линию в несколько ином ракурсе: если авторы четырехтомника преимущественно опирались на пакистанских и арабских комментаторов XIX–XX веков (Мухаммада Юсуфа Али, Мухаммада Абдо, Аль-Маудуди, Мухаммада Асада, Саида Кутба и др.), то мы используем произведения как ранних арабских комментаторов VII–IX веков, так и мусульманских комментаторов из Ирана, Пакистана, России XIX–XX веков. Кроме того, в переводе Корана Абдель Саляма аль-Манси и Сумайя Аффифи, который во многом копирует перевод И. Ю. Крачковского, в ряде случаев, когда его авторы дают свою трактовку перевода аятов, допускается комментаторский стиль, не связанный с лексической структурой оригинала.

¹⁶ Так, к примеру, слово «Йа Син» частью комментаторов переводится как «О человек!», подразумевая Посланика Аллаха Мухаммада; встречается и перевод: «О, Безупречный Вождь!» и т. д.

ние, Писание, Истина и т. д. Кроме того, заглавными буквами обозначаются: Последняя Обитель, Будущая Жизнь, Рай, Ад, Огонь (если под этим словом подразумевается Ад) и т. д.

Теперь о научном аппарате комментариев и конкретно о грамматических случаях, сопровождающих настоящий перевод.

Иногда арабские создатели письменного варианта Корана, раскрывая в рамках одной или нескольких взаимосвязанных фраз то или иное событие либо ведя повествование, применяют сначала глаголы в настоящем или будущем времени, но затем неожиданно переводят их в прошедшее время. Таким образом, происходит грамматическое несоответствие времен. Для русскоязычного читателя это неприемлемо. Поэтому, как нередко делал М.-Н. О. Османов в своем переводе, мы сохраняем такие текстовые эпизоды в одном глагольном времени (для сравнения см.: Коран 1986: гл. 18, *Аль-Кахф*, аяты 50[52]–51[53]).

В русском языке в соответствии с грамматикой при перечислении характеристик того или иного лица или предмета и явления соединительный союз «и» ставится только перед последней частью в серии определений, а вместо него в большинстве случаев его функцию выполняет знак препинания «запятая»; в арабском же языке (по крайней мере, в языке Корана) «и» ставится перед каждой стороной характеристики¹⁷. Учитывая наше стремление не искажать смысла той или иной фразы, но сделать перевод более удобным для русскоязычных читателей, мы в таких случаях опускаем союз «и» там, где он не соответствует правилу грамматики русского языка (например, в арабском тексте Корана, гл. 23, *Аль-Му'минун*, аяты 58–62, что отражено также в дословном переводе И. Ю. Крачковского: гл. 23, *Верующие*, аяты 59[57] – 63[61] и во многих других аятах).

Помимо вышесказанного, имелась грамматическая разница между тем, как записано в Коране, и как произносил аяты Пророк. К примеру, Мухаммад и другие авторы прямой речи говорили отдельными абзацами и фразами. Поэтому, вероятно, они не могли

¹⁷ Такая же система начала абзацев и даже отдельных предложений (если они означают то или иное действие либо прямую речь личностей, тех, о ком идет речь) используется и в Библии (см.: Библия... 2001). Как видно, в Священных Писаниях народов Ближнего и Среднего Востока была традиционной эта форма текстообразования, где слово «и» практически всегда выступало в качестве соединительного союза для перехода от одного абзаца и предложения к другому.

начинать свою речь постоянно с «и», чем избыточно начало многих аятов.

Зачастую смысловая нагрузка того же союза «и» соответствует разным *логическим* вариантам понимания этой грамматической части речи (союз соединительный, разделительный и т. д.), и поэтому он выступает по смыслу не только как собственно «и», но и как «а», «но», «однако», «так», «а также», «тогда» и т. д. Таков язык современности, который за тысячелетия развивался и совершенствовался, приобретая рациональность и диверсифицированность «союзов» для обозначения разных оттенков значения тех или иных фраз. Поэтому использование союза «и» только в одной соединительной функции представляется нецелесообразным, так как заставляет читателя грамматически домысливать текст. Таким же образом наряду с часто повторяемым словом «сказал» используются его синонимы: «произнес», «воскликнул(а,и)».

В тексте Корана арабское слово «Баль!» различными переводчиками иногда переводится в совершенно противоположных смыслах: то «да!», то «нет!». Здесь целесообразно использовать оптимальные, с нашей точки зрения, русские словосочетания «да нет же!», «о нет!», а также слова «напротив!», «однако!», которые как раз и несут искомую смысловую нагрузку, означающую отрицание (см. для сравнения: Коран 1986: гл. 23, аяты 65 [63], 72 [70], 73 [71], 83 [81]); Коран 1995: гл. 23, аяты 63, 70, 71, 81 и др.).

В арабском тексте часто используется слово «который». В русском литературном языке предпочтительно заменять слово «который (-ая, -ые)» как функциональную характеристику другими словами (с соответствующими смысловыми оттенками): «Кто», «кто», «что». Мы также использовали эту возможность в нашем переводе.

Касаясь грамматических принципов структурных построений фраз в русском и арабском языках, следует отметить, что существует разница в соотношениях между главными и придаточными частями предложений, а также в том, какое место во фразах занимает тот или иной член предложения (главный или второстепенный) и т. д. Для соответствия русской грамматике в нашем переводе Корана в ряде случаев мы прибегли к внутренним перестановкам слов во фразопостроениях. Это абсолютно не изменяет смыслового содержания арабского текста, но облегчает его восприятие русскоязычным читателем.

Кроме того, стоит указать на специфику расшифровки арабского слова «Китаб» («Книга») в Коране. «Китаб» («Книга») – это По-

слания Аллаха народам частями через разных Пророков (Посланников). Поэтому там, где в тексте нет прямого наименования Корана или указания на его подразумевание, либо не приводятся другие конкретные названия «Книги» (Тора, Евангелие и др.), следует понимать части «Книги», ниспосланные Посланникам до Мухаммада и ему самому, если вместо названия «Коран» присутствует только обозначение «Китаб». Русскоязычными переводчиками «Китаб» обозначается равнозначным синонимом «Писание», что использовано и в настоящем переводе Корана.

И последнее замечание. Перечисление нами в библиографическом списке источников и литературы не означает, что в нашем переводе использовалось смысловое понимание их авторами тех или иных аятов Корана. Они принимались к сведению для того, чтобы представить всю существующую в настоящее время палитру расшифровки (нередко своеобразной) текста Корана разными комментаторами, богословско-юридическими школами-мазхабами и направлениями в исламе.

Литература

Белл, Р. Монтгомери, У. 2004. *Коранистика: введение*. М.; СПб.: Изд-во Диля.

Беляев, В., Грязневич, И. 1986. Предисловие. *Коран* / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.

Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). М., 2001.

Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.

Коран / пер. съ арабского языка Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907; Каир, 1993.

Коран / пер. с арабского и коммент. М.-Н. О. Османова. М., 1995.

Коран / пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. М., 1993, 1997, 2005.

Крачковский, И. Ю. 1955. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. В: Крачковский, И. Ю., *Избр. соч.*: в 6 т. Т. 1 (с. 175–181). М.; Л: Изд-во АН СССР.

Мармарджи, А. 1931. Тарикат фил-л-илм ма'айбат..., аль-'адад 5 (с. 333–340).